

О.А. Джарман

ВРАЧИ-ХРИСТИАНЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Античный мир явился той средой, в которой впервые прозвучало христианское благовествование, дав миру многих известнейших христианских святых, совершивших подвиг мученичества. В их числе были врачи-профессионалы, первые представители римской интеллигенции, вошедшие в число приверженцев гонимой древней Церкви. Подход к наследию Античности в древней Церкви был неоднозначным, однако приходу в нее интеллигенции, в том числе и врачей, способствовала традиция, представленная святым Иустином Философом и Климентом Александрийским. Отношение к врачам в Римском мире было различным, как и их социальное положение, но все — от сенатора до простолюдина — жаждали видеть в нем сострадательного друга, а не корыстного ремесленника. Таков был и идеал врачей-философов, лучших представителей своей профессии. Приход в христианскую Церковь означал для врача конец кризиса мирозозерцания и вызванного им кризиса профессии. Подробных биографий врачей той эпохи не осталось, хотя отдельные биографические факты разбросаны по крупицам в историях их мученичества и житиях. Исключение составляет биография св. Кесария Каппадокийского, входящая в посвященное ему «Надгробное слово», которое было написано его знаменитым братом, святителем Григорием Богословом.

Ключевые слова: культуuroлогия, античная культура, эллинистическая культура, эллинистическая интеллигенция, античная медицина, история медицины, ранняя Церковь, история Церкви, мученичество, врачи-христиане.

Введение

Античный мир явился той средой, в которой впервые прозвучало христианское благовествование, дав миру многих известнейших христианских святых, совершивших подвиг мученичества. В их числе были и *iatroi* (греч.) или *medici* (лат.), то есть врачи-профессионалы, первые представители римской интеллигенции, вошедшие в число приверженцев гонимой древней Церкви.

Семя евангельской проповеди, согласно притче Христа (Лк 8:4–15), падало в терние и при дороге, на каменистой и плодородной почве, но в разных местах давало разный плод. Этот плод — плод христианской святости, святости мучеников, как говорится в древнем богослужебном тексте, «плод красный спасительного Христова сеяния» — принесла древняя Церковь, состоявшая по

Ольга Александровна Джарман — кандидат медицинских наук, врач-фтизиатр, сотрудник Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии.

преимуществу из так называемых языко-христиан, то есть христиан эллинистической культуры. Но для того, чтобы так плодоносить, почва, воистину, должна была быть уготована...

Роль эллинизма и его взаимоотношений с христианской проповедью ранней Церкви никогда не может быть изучена до конца в силу ее неисчерпаемости. Выход Церкви из национальных рамок иудео-христианства произошел именно в эллинистическом культурно-историческом пространстве, бывшем в то время единым общечеловеческим пространством эпохи. По верному слову С.С. Аверинцева, «античная компонента христианской культуры есть <...> исторический факт, легитимированный временем»¹.

К сожалению, подробных биографий врачей той эпохи не осталось, хотя отдельные биографические факты разбросаны по крупницам в историях их мученичества и житиях. Исключение составляет биография св. Кесария Каппадокийского, входящая в посвященное ему «Надгробное слово», написанное его знаменитым братом, свт. Григорием Богословом.

Врачи — первые представители церковной интеллигенции

Поздняя Античность была решающим временем для судьбы юного христианства среди древней цивилизации Греции и Рима. С точки зрения внешнего наблюдателя, зародившись как немногочисленное движение в иудейской среде на окраине Империи в первой половине I в., оно, казалось, было обречено на маргинализацию и вымирание.

Однако этого не произошло, и вскоре, с началом проповеди среди эллинов св. апостола Павла, к христианской Церкви присоединяются представители эллинистической интеллигенции. Одним из первых среди них стал врач Лука — друг, спутник и секретарь св. ап. Павла, первый христианский историк, автор Евангелие от Луки и Деяний святых апостолов.

Имя св. ап. Луки, врача², юриста и литератора, этнического грека из античного мегаполиса, Антиохии Сирийской³, стоит, вне всякого сомнения, во главе плеяды античных врачей-христиан. Среди них были как те, чьи имена известны всем, в той или иной степени интересующимся христианской традицией, — это, конечно же, великомученик и целитель Пантелеимон и бессребреники Косма и Дамиан — так и те, чьи имена незаслуженно забыты, но заботливо

¹ Аверинцев С.С. Таинство милости // *Исаак Сирий, прп.*. О божественных тайнах и о духовной жизни / Пер. с сирийского митр. Илариона (Алфеева). СПб., 2002. С. 247.

² См.: *Fitzmyer J.A.* Luke the Theologian. N.-Y., 1989. P. 1–22.

³ См.: *Brown R.E.* An Introduction to the New Testament. N.-Y., 1997. P. 271.

сохраняются только в наследниках древних мартирологов (то есть списках мучеников и святых той или иной церковной общины) — церковных календарях как Востока, так и Запада.

Приток врачей из греческой интеллигенции во II в. в христианскую Церковь стал достаточно интенсивным. Именно в век Антонинов гонимая доселе христианская Церковь получила кратковременную передышку и, воспользовавшись ею, заговорила перед императорами Рима голосами своих апологетов — образованных людей Римской империи. Римский христианин, юрист и ритор, Тертуллиан писал в «Апологетике», защищая право христиан исповедовать свою религию, следующее: «Мы существуем со вчерашнего дня и наполнили собою все ваши места: города, острова, крепости, муниципии, места собраний, самые лагеря, трибы, декурии, дворец, сенат, форум»⁴. Возможно, риторика уносит апологета немного в сторону от реального положения вещей, но уже при императоре Коммодe (180–192 гг.) начинается приток в Церковь людей с высоким общественным положением.

В это же время растет число врачей, принимающих христианство, что видно по числу мучеников среди врачей в последующие гонения⁵ — при императоре Марке Аврелии (конец II в.), а в III в. — при императорах Септимии Севере, Каракалле, Максимине, Декии, Валериане и Аврелиане. Отечественный историк Церкви М.Э. Поснов в своем труде «История Христианской Церкви» указывает, что число мучеников до середины III в. было невелико: «Юридически над каждым христианином висел Дамоклов меч, — пишет он. — <...> Фактически число мучеников не было значительным до половины III в. Ориген, хотя и в полемических видах против Цельса (III. 8), заявляет о мучениках: ὀλίγοι κατὰ καιροὺς καὶ σφόδρα ἐν ἀρίθμητοι — немногие по временам и легко исчислимы»⁶. Он разъясняет причины государственных гонений: «В трех отдельных случаях, христиане, казалось, являлись нарушителями римских законов: 1. как члены тайного общества, 2. как противники государственной религии (sacrilegium) и 3. как не почитатели культа цезарей (crimen laesae majestatis)»⁷.

Однако, основной приток интеллигенции в христианскую Церковь происходит перед гонением Диоклетиана в конце III в. и далее — в IV в., но уже

⁴ Тертуллиан. Апологетик, 40 // Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле. Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 107.

⁵ Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2005. С. 93.

⁶ Поснов М.Э. История христианской церкви. М., 2005. С. 52–55.

⁷ Там же. С. 52.

в Церковь, получившую от императора Константина статус разрешенной религии (*religio licita*). При этом статус врача в античном обществе непосредственно влияет на деятельность его как христианина. Среди врачей в античное время были не только ремесленники-медики, но и высокообразованные люди, владевшие, подобно ап. Луке, помимо врачебного искусства еще и риторикой, философией и юриспруденцией⁸. Это делало врача-христианина не только целителем, бессребреником, другом страждущих, но и проповедником, миссионером. Привлеченный в суд, он исповедовал Единого Бога и Иисуса Христа, что уже делало его противником государственной религии Рима (*sacrilegium*). Далее, он отказывался принести жертвы гению императора, то есть поклониться ему как богу, что было для римского права государственным преступлением против императорского величества (*crimen laesae majestatis*). Как известно, христиане преследовались в Римской империи преимущественно по этому закону. На суде над христианами религиозный процесс легко переходит в процесс политический, и христиане становились *hostes caesari* и *hostes rei publicae*, то есть преступниками политическими⁹. Именно последнее зачастую служило причиной их казни. Нелишне напомнить современному читателю, выросшему в гуманизированном (христианской верой!) обществе, что античное судебное делопроизводство как нечто само собой разумеющееся включало допрос под пыткой.

Показательным в этом отношении является пример врача Александра из Лиона, описанный в «Церковной истории» Евсевия Памфила. «При допросе [арестованных при гонениях христиан] присутствовал некий Александр, фригиец родом, врач. Он много лет жил в Галлии и почти всем был известен своей любовью к Богу и смелостью своей речи; не был он обделен и апостольским даром. Стоя у трибуны, он знаками поощрял исповедников <...> и чернь, раздраженная тем, что недавние отступники стали исповедниками, стала вопить, что это дело Александра. Легат подозвал его и стал допрашивать, кто он, и, обозлившись на его ответ “Христианин”, осудил на съедение зверям. На следующий день он вышел на арену вместе с Атталом. <...> В амфитеатре они испытали на себе все орудия, придуманные для пыток, и выдержали великое состязание; на-

⁸ *Nutton V. Ancient Medicine. L.–N.Y., 2004. P. 248.*

⁹ *Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 2. СПб., 1910. Репринт: М., 1994. С. 1–43.*

конец, их закололи. Александр не издал ни слова, ни звука: сердце его было с Богом»¹⁰. Это произошло 2 июня 177 года¹¹.

Заслуживает особого внимания религиозно-культурный фон, на котором происходила «мартирия» (μαρτυρία) — мученическое свидетельство врачей-христиан и мучеников вообще о Христе Распятом и Воскресшем, а также особенности мировоззрения античного врача.

Культурно-историческая ситуация

Первые врачи-христиане жили в I–IV в., то есть на закате эпохи эллинизма. В это время в среде интеллигенции греко-римского мира широко распространился скепсис в отношении традиционной языческой религии, она стала уступать место философским течениям: эпикурейству, стоицизму, неоплатонизму, критикующим и отвергающим народную религию. Поначалу эти воззрения распространялись лишь среди элиты общества, но постепенно и у народов *Paes Romanae*, не затронутых учениями философов, стало назревать отрицание старой религии, не приносившей утешения. На смену древних религий приходит синкретизм с его причудливой мозаикой религиозных течений и культов — от трактатов гностиков и Гермеса Трисмегиста до мистериальных культов Кибелы, Митры, Иисуса¹². Не последнее место занимал культ героев, — обожествлялись не только императоры, но и люди, например, Аполлоний Тианский (I в. до Р.Х.), которому император Каракалла, спустя более двух веков, воздвиг часовню¹³.

Разнообразие религиозных и философских воззрений было одним из проявлений кризиса политической жизни и особенно религиозно-нравственных ценностей прежде монолитного греко-римского общества, требовавшего какого-то социально-психологического их замещения. Начинаются поиски такого мировоззрения, которое соответствовало бы этическим запросам людей и отвечало бы на конкретный вопрос о достижимости добра в мире зла или хотя бы за его пределами¹⁴. В какой-то степени этому отвечала стоическая философия, чрезвычайно распространенная и популярная в массах, но она не могла заполнить сердце, тоскующее по личному общению с Богом.

¹⁰ *Евсевий Памфил*. Церковная история. Кн. 5, 49–51. М., 1993. С. 166.

¹¹ Мч. Александр Лионский, врач, почитается Западной Церковью.

¹² *Дворкин А.Л.* Очерки по истории... С. 27–29.

¹³ *Постернак А.В.* История древней Греции и древнего Рима. М., 2001. С. 151.

¹⁴ История древнего мира. Упадок древних обществ / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. 3-е изд., испр. и доп. Кн. 3. М., 1989. С. 369.

В этот период расцветает так называемая личная религия, когда человек вступает в близкие, теплые и уникальные отношения с богом-покровителем. Среди этих божеств первое место занимали Асклепий, благой бог и врач¹⁵, и Изида, благая мать, избавительница от зол. Сотни и сотни людей, подобные Элию Аристиду или Апулею, искали общения с божеством, искали ответа, обращенного из божественных недр в их исстрадавшееся сердце.

«Религиозный человек — тот, кто ощущает, поверх случайных явлений, божественное Присутствие и кому необходимо постоянно чувствовать это Присутствие. Лишись он этого чувства, и все становится пустым, и мир превращается в пустыню, в которой он затерян», — пишет знаток античной религии А.-Ж. Фестюжьер¹⁶. «Беседовать наедине с Богом» (ὁμιλεῖσαι μόνῳ μόνον) было страстным, неугасающим желанием людей. «Представление о Боге могло меняться; но желание узреть Бога, коснуться Его, говорить с Ним от сердца к сердцу не менялось», — пишет тот же автор далее в своей знаменитой монографии¹⁷. Человек томился от одиночества, прекрасно описанного стоиком Эпиктетом. «Подобное одиночество должны были ощущать миллионы», — справедливо замечает исследователь, не склонный превозносить раннее христианство, Э.Р. Доддс, и продолжает: «Для людей в сложной жизненной ситуации членство в христианской общине могло быть единственным способом сохранения самоуважения и давало жизни хотя бы видимость осмысленности. В общине было человеческое тепло: кто-то интересовался ими и в этом мире, и в том»¹⁸.

Моральная атмосфера для принятия христианского учения была подготовлена. Многие религиозно одаренные люди, не находящие удовлетворения в окружающих их религиях и философских системах, а также испытывающие моральный дискомфорт, были чрезвычайно восприимчивы к новой и небывалой проповеди¹⁹. Прот. Георгий Флоровский писал о взыскующем античном мире, вошедшем под своды Церкви, о его великой тоске и великой гордыне²⁰. Эта тоска была и тоской по исцелению, σωτηρία, и тоской по чудесам (θαύματα, ἰάματα). В те времена в мире были «одна Империя, один мировой язык, одна

¹⁵Подробнее см.: Джарман О.А. Эллинистическая религия Асклепия в поздней греко-римской культуре в свете христианской духовной традиции // Христианское чтение. 2010. 3. С. 113–143. — *Прим. отв. ред.*

¹⁶Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. СПб, 2000. С. 6.

¹⁷Там же. С. 219.

¹⁸Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время. СПб., 2003. С. 137–138.

¹⁹См.: Fergusson E. Backgrounds of Early Christianity. Michigan, 1990. P. 495.

²⁰См.: Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV века. М., 1992. С. 7–8 (репринт).

культура, одно общее развитие в сторону монотеизма, и одна общая тоска по Спасителю»²¹.

Поначалу эллинистическая интеллигенция или осмеивала христиан, людей «незнатных и неблагородных» (1 Кор 1:26) (как Лукиан и Цельс), или пожимала плечами на проповедь в недоумении (как Плиний Младший), повторяя слова, сказанные апостолу Павлу, заговорившем о воскресении из мертвых в Ареопаге: «об этом послушаем тебя в другой раз» (Деян 17:32).

Однако спустя совсем немного времени для многих образованных людей совершилось обретение христианской веры. Это было результатом последовательной и серьезной работы мысли и сердца.

Отношение христиан к античной культуре

Чтобы утвердить себя в качестве универсальной системы мировоззрения, христианству предстояло, разрабатывая ее, бросить вызов античной философии.

Подход к наследию Античности в древней христианской Церкви был неоднозначным. Так, писатели-апологеты Татиан (II в.) и Тертуллиан (конец II – начало III вв.) утверждали о полной несовместимости христианства с греческой философией, которую называли источником всех бед и ересей. «Что общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и Церковью, между еретиками и христианами?» — восклицал Тертуллиан (О прескрипции [против] еретиков, 7)²².

Но возобладала точка зрения тех, кто считал, что без античной философии не обойтись. Уже христианские писатели первых веков говорили о том, что роль античных мудрецов в воспитании вне-библейских народов сопоставима с ролью пророков древнего Израиля. Эта мысль встречалась еще у ап. Павла: «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим 2:14–15). Христианский апологет Иустин Философ (II в.) писал: «Мы научены, что Христос есть перворожденный Бога, и мы выше объявили, что Он есть Слово, коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы считались за без-

²¹ Шмелан А., *прот.* Исторический путь Православия. М., 2001. С. 40.

²² Тертуллиан. О прескрипции [против] еретиков, 7 // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. С. 109.

божников: таковы между эллинами — Сократ и Гераклит и им подобные...»²³. Климент Александрийский (II в.) также говорил, что «философия <...> была де-товодителем (Гал 3:24) эллинизма ко Христу — тем же, чем и Закон был для евреев. Таким образом, философия была приуготовлением, проложившим человеку путь к совершенству во Христе»²⁴.

Это отношение к античной философии было общим для великих богословов древности: свт. Василий Великий, высмеивая похождения и преступления богов-олимпийцев, приводил примеры из Гомера, Гесиода, Солона, Феогнида, Пифагора, Платона, Сократа и других мудрецов древности для подражания юношам, обучающимся в языческих школах, говоря, что те или иные их поступки и слова схожи с христианскими заповедями²⁵.

Свт. Григорий Богослов возмущался указом императора Юлиана Отступника о запрещении преподавать детям христиан в школах «языческую мудрость», справедливо говоря, что это мудрость — для всех людей, а не только верящих в богов-олимпийцев. Такое отношение к античной мудрости позволило великим богословам IV в., отцам-каппадокийцам, заговорить о христианских тайнах на языке неоплатонизма — «отцы начали богословствовать философски»²⁶. По меткому выражению С.С. Аверинцева, «ранняя встреча христианства с навыками эллинистического искусства была поистине провиденциальной»²⁷.

Эта линия продолжалась из поколения в поколение среди богословов православного Востока, найдя вершину в богословском и философском творчестве прп. Максима Исповедника, осуществившего гармоничный синтез «Афин и Иерусалима» на основе христианства, а не язычества. Византийское Средневековье не изменило отношения к философскому наследию Античности. Оригинально эта мысль выражена в обращенных к Богу стихах ученого монаха, автора многих богослужебных текстов, употребляемых в Православной Церкви и по сей день, Иоанна Мавропода (XI в.):

²³ *Иустин Философ, мч.* Апология. М., 1892. С. 76–77.

²⁴ *Климент Александрийский.* Строматы, 1, 5. Цит. по: *Мейендорф И., протопресв.* Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс–Москва, 1992. С. 83–84.

²⁵ *Василий Великий, свт.* Беседа 22. К юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями // *Василий Великий, свт.* Творения. М., 1993. С. 355.

²⁶ *Флоровский Г., прот.* Восточные отцы... С. 8.

²⁷ *Аверинцев С.С.* Ветхий Завет как пророчество о Новом: общая проблема — глазами переводчика // *Евангелие. Книга Иова. Псалмы* / Под ред. Н.П. Аверинцевой, К.Б. Сигова. Киев, 2004. С. 468.

«Коль ты решил бы из чужих кого-нибудь,
Христе, избавить от Твоей немилости,
Платона и Плутарха для меня избавь!
Они ведь оба словом и обычаем
Твоих законов неизменно держатся.
А коль неведом был Ты им как Бог-Творец,
Ты должен оказать им милосердие,
Раз Ты желаешь всех спасти от гибели»²⁸.

Состояние медицины в античном мире

Процессы, проходящие в меняющемся мировоззрении античного человека, отражались и на медицине Античности, которая существовала в трех формах. Самая ранняя — народная медицина, ставшая источником для храмовой и светской медицины. Храмовая медицина с ее мистериями, долженствовавшими приводить к исцелению человека божественной силой богов-целителей (в первую очередь Асклепия и его отца Аполлона), пользовалась большей популярностью в народе. Тем не менее, по словам крупного дореволюционного русского историка медицины С.Г. Ковнера, существуют «многочисленные веские доказательства несомненного существования с незапамятных времен светской, естественной медицины, которую ее могущественная соперница, медицина храмов, не в состоянии была ни затмить, ни уничтожить»²⁹. Оба вида врачевания сосуществовали параллельно, часто конкурируя, но и нередко сотрудничая.

В храмовой медицине центральными были асклепейоны (Ἀσκληπιεῖα) — лечебницы при храмах, посвященных богу медицины Асклепию в Эпидавре, на о. Кос, в фессалийской Трикке и в других местах. Врачевание здесь сочетало эмпирические и магические приемы. Светских врачевателей приглашали в качестве консультантов при трудных для диагностики случаях, здесь же, на территории асклепейонов, светским врачам воздвигали памятники.

Важным моментом пребывания больного в асклепейоне, в атмосфере которого витало ожидание чуда, был сон. После жертвоприношения пациенты ложились спать — для этого были устроены особые спальни, отдельные для мужчин и женщин; считалось, что во сне их навещал бог; сон был либо «теоремати-

²⁸Цит. по: *Аверинцев С.С.* Византийская литература IX–XII вв. // История всемирной литературы: В 9 тт. Т. 2. М., 1983. С. 354.

²⁹*Ковнер С.Г.* История медицины: Медицина Востока, медицина в древней Греции. Киев, 1878. С. 145–146.

ческий», непосредственно понятный, либо «аллегорический», нуждающийся в истолковании; по исполнению требования сна больной выздоравливал — таково было правило, исключения не записывались³⁰. Хотя среди средств лечения были лекарственное врачевание, водолечение, гимнастические упражнения, но наиболее важным являлся священный ритуал ἐγκοίμησις — кульминация храмового врачевания, — проводившийся в длинной крытой галерее ἄβατον, куда никто не мог войти без специального разрешения. Состояние искусственного сна достигалось применением наркотиков или методами психологического воздействия. Ритуал лечения сопровождался театральными представлениями, явлениями бога или его священной змеи и даже проведением хирургических операций, что еще в большей степени усиливало впечатление от пребывания в асклепейоне. Ритуал ἐγκοίμησις приобрел широкую популярность, приносил колоссальные доходы асклепейонам. Расцвет храмовой медицины наблюдался в ранние периоды Античности, затем храмовая медицина во многом уступила место светской медицине.

С возникновением во II в. по Р.Х. панэллинского движения, возглавленного императором Адрианом, ставившего своей целью оградить античный мир от надвигающейся угрозы варваризации, поднялась волна архаизма, связанная с возрождением забытой греческой религии. Многие асклепейоны переживали период расцвета, вновь привлекая сотни больных. По-прежнему продолжалось сотрудничество со светскими врачевателями. Так, выдающийся врач древности Гален (129–204) работал в начале своей карьеры в Пергамском асклепейоне³¹. Но с утверждением христианства роль их стала ослабевать. При асклепейонах, возможно, шло обучение врачей-жрецов.

Обучение светскому врачеванию проводилось в частных практических школах. В Римской империи наряду с частными появились государственные врачебные школы, как учебные заведения.

Однако термин «школа» (или латинское «секта») использовался в отношении различных течений в нерелигиозной медицине того времени, базой которой были как достижения великий анатомов и физиологов, александрийских врачей, Герофила и Эразистрата, так и различные философские течения. К концу I в. до н. э. большим влиянием в Римской империи пользовались врачи-догматики, которые делали упор на изучении анатомии, а в теории опирались на фи-

³⁰См.: Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 120.

³¹См.: Сорокина Т.С. История медицины: Учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 173–175.

лософские системы Платона, Аристотеля, стоиков и Эпикура. Вторая школа — эмпирики, — напротив, совершенно игнорировала философские аргументы как неплодотворные в медицинской практике. Их часто называли «медицинскими скептиками». Третья школа, объединившая врачей периода позднего эллинизма и Римской империи, — методики, — отрицала все прочие медицинские направления. Основным объектом для них был индивидуальный подход к пациенту и наблюдение за течением болезни у конкретного больного. Ярчайшими представителями этой школы являются Асклепиад Вифинский и Соран Эфесский, спорить с которым боялся даже презиравший методиков придворный врач Гален. В качестве философов медицины методики пользовались влиянием среди греческих врачей империи. Четвертая школа — пневматики — считала причиной болезней нарушение равновесия пневмы — особой жизненной силы в человеческом организме. Уже ко времени Траяна эти «школы» медицины почти смешались, объединив греческую, эллинистическую и римскую медицинские традиции³².

Слово «секта» (или «школа») не передает полностью смысла греческого слова *αἵρεσις* в силу того, что поневоле понуждает к строгому определению. Точнее было бы его перевести как «клуб людей со сходными мнениями». Следует подчеркнуть, что эти «школы» были лишь результатом общего неформального влияния одного из врачей, занимавшихся преподаванием, на своих коллег и студентов³³. Этим же словом (*αἵρεσις*) обозначались и философские школы.

Вспомним, кстати, и мнение апостола Павла о «разномыслиях» (*αἵρέσεις*), которым следует иметь место среди верных, «дабы открылись искусные» (1 Кор 11:19). Апостол как раз передает то, современное для него, словопотребление слова *αἵρεσις*, не имевшее той негативной окраски, которая связана с ним сегодня.

Социальное положение врачей

Римские завоевания привели к импорту рабов разных по уровню своей образованности. Вначале это были люди из соседних областей, такие же нецивилизованные, как и сами римляне. Позже, когда завоевания стали более обширными, рабы, привозимые в Рим, были более образованы. Они научили своих господ приемам врачебного искусства, а также занимались лечением римской семьи. Среди них не всегда были настоящие врачи, часто только лекари, низший медицинский

³²См.: Культура древнего Рима: в 2 т. / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. С. 271.

³³См.: *Scarborough J. Roman Medicine*. N. Y., 1976. P. 191.

персонал, так как свои знания они получили не путем систематического обучения, а наблюдая и помогая старшему рабу, который занимался этим до него. Тем не менее, они стали совершенно необходимыми для своих господ, поэтому каждый римский гражданин, состояние которого позволяло ему содержать большое количество рабов, считал своим долгом обзавестись подобного рода *рабом-врачом* (*servus medicus*). Возможно, однако, что его медицинское искусство было более высоким, чем у местных римских лекарей, если этот раб по происхождению был из одной из стран, где медицина, как наука, уже установилась (например, из Греции), и он обучался медицине там. В больших поместьях — латифундиях, где было множество рабов, над рабами-врачами начальствовал, возможно, человек, которого упоминают надписи, как *superpositum medicorum*. Можно также предположить, что некоторых рабов обучали медицине для прибыли, так как цена раба-врача была значительно выше, чем обычного. Однако их статус был определен рабским положением: они были полной собственностью купившего их *pater familiae*, главы римской семьи.

С течением времени к рабам-врачам добавились *врачи-рабы*, то есть врачи-пленники, обращенные в рабство во время завоеваний.

В период Римской империи (с 31 г. до Р.Х. до 476 г. по Р.Х.) произошло подчинение Риму всей ойкумены — «населенной земли», в которую входили как глубоко эллинизированные области, еще ранее завоеванные Александром Македонским (с середины III в. до Р.Х.), так и области, подвергшиеся эллинизации незначительно или совершенно неэллинизированные, такие как Трансальпийская Галлия и Британия.

Со времени Македонских войн в Рим прибыло множество греков как рабов, так и не рабов. Позже в Рим были привезены рабы, проданные после того, как будущий римский император Тит (79–81) окончил Иудейскую войну в 70 г. по Р.Х., а также после подавления римским императором Адрианом (76–138) большого мятежа в Иудее в 134 г. Губернаторы, полководцы и богатые римляне при посещении Востока заводили личных врачей, которые становились посредниками между завоеванным и завоевателем. При этом оказалось, что интеллектуальная элита эллинистического мира, — культурными центрами которого являлись такие знаменитые города, как Александрия и Пергам со своими библиотеками и школами, а также Афины, Смирна, Эфес, Никомидия, Антиохия, — значительно превосходила элиту римскую общим образованием, своими успехами в гуманитарных науках и уровнем научных, в том числе медицинских, до-

стижений. Образованные римляне были восхищены культурой покоренных народов, и в первую очередь это относилось к грекоязычной культуре.

Однако немаловажной чертой было то, что «покоренный» на языке римлян фактически означал «обращенный в рабство». Сотни тысяч рабов с греческого Востока наполнили виллы и дома знатных римлян. Римские учителя, врачи, музыканты художники, танцоры почти без исключения были греками. Все эти категории рабов находились в относительно привилегированном положении по сравнению с сельскими рабами, которые подвергались жестокой эксплуатации. Можно сказать, что греки монополизировали «интеллигентные» профессии. Слой рабской интеллигенции в Риме, особенно в последние годы существования республики, был особенно многочисленным, а вклад, внесенный греками-рабами в создание римской культуры, весьма ощутимым³⁴. По словам Квинта Горация Флакка, римского поэта (65–8 гг.), «покоренная Греция покорила варвара-победителя», а в другом месте — «завоеванная Греция взяла дикаря-победителя в плен и ввела искусство в Лациум»³⁵.

К середине I в. до н. э. иметь у себя грека-врача стало само по себе особым знаком обеспеченности и престижа, правилом хорошего тона. Несмотря на то, что в римском доме врачи-греки обычно относились к классу рабов или вольноотпущенников, безусловно, роль этих людей была более значительна, чем роль рабов-врачей. Свободная практика такого специалиста представлялась рабовладельцу весьма доходной, поэтому рабов-специалистов за определенную плату стали отпускать на свободные заработки. Некоторые из них получили свободу от своих господ в благодарность за удачное лечение или из-за своей близости к хозяину; после этого они, в качестве «свободных врачей» (*medici liberti*), пользовались уже некоторой самостоятельностью, которая делала для них возможной врачебную практику и доставляла им средства для проживания.

Врач-отпущенник был обязан бесплатно лечить своего бывшего владельца, его семью, рабов и друзей и отдавать ему часть доходов. Юридически врачи-отпущенники оставались зависимыми от рабовладельцев, и римское общество долгое время относилось к ним с некоторым презрением; известно подобное отношение к этим людям знаменитого римского врача, по происхождению грека, Галена (129 – ок. 200). Они не могли давать никаких гарантий: врач обучался

³⁴Сорокина Т.С. История медицины. С. 158–159.

³⁵Знаменитое латинское изречение «*Graecia capta ferum victorem cepit et artes intulit agresti Latio*». *Epist.* II, I, 156–157. Рус. перевод цит. по: *Квинт Гораций Флакк*. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970.

своему искусству, где придется, и лечил своих больных, как хотел. Число таких врачей из вольноотпущенников скоро значительно возросло, но процесс завоевания врачами-рабами свободного положения шел постепенно.

Император Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. – 14 г.) возвел своего придворного врача Антония Музу, принадлежавшего к классу вольноотпущенников, в звание всадника и освободил его от уплаты налогов; эта льгота, дарованная Антонию Музе за оказанные им услуги — излечение Августа холодными ваннами, была распространена затем на всех врачей. Сотни надписей, найденных в разных местах империи, свидетельствуют о врачах-вольноотпущенниках, но некоторые из них приобрели славу благодаря своим несметным богатствам, а не профессиональным навыкам.

На границе III и II вв. до Р.Х. свободные греческие врачи сделали, по видимому, первую попытку поселиться в Риме. Плиний в несколько анекдотической форме рассказывает, что в 219 г. некий Архагат (что в переводе обозначает «хорошее начало») прибыл в Рим и с восторгом был принят народом; это был первый греческий врач, начавший заниматься в Риме частной практикой. Ему были даны права римского гражданства и собственная приемная, купленная на общественные деньги. В благодарность за его врачебную деятельность римляне прозвали его «целителем ран». Вскоре, однако, настроение римлян изменилось; жестокие прижигания и операции, которые он производил, так подействовали на римлян, что они прозвали его «живодером» и отказались не только от его услуг, но и от услуг врачей вообще. Медицинское искусство подпало общему презрению, вместе со всеми врачами. Архагат вернулся в Лаконию, «оставив медицине заслуженную дурную репутацию» (согласно Плинию она сохранилась до его времен (I в. до Р.Х.))³⁶. Римляне рассматривали медицину, как область, отданную на откуп рабам и вольноотпущенникам. Поскольку медицина пришла в Рим из эллинистического мира, по самому своему характеру она не могла привлечь людей, не испытывавших тяги к построению философских систем. Римский народный менталитет ставил на первое место не философию, а практическую пользу, поэтому рассуждения греческих врачей казались простому земледельцу-римлянину в лучшем случае бессмыслицей, а в худшем — одурачиванием честных тружеников для того, чтобы нажиться.

Греческая медицина считалась выражением изнеженности и роскоши. В одно и то же время в Риме по отношению к врачу присутствовал целый спектр эмоций — от абсолютного недоверия простого человека до живого интереса

³⁶Nutton V. Ancient Medicine. Routledge. L.–N. Y., 2004. P. 250.

аристократии к методам контрацепции, которые предлагала эллинистическая медицина³⁷. Это было связано с неизбежным расхождением вкусов аристократической, образованной верхушки римского общества и простых римлян, которые весьма подозрительно относились к врачам, работавшим за плату, чувствуя, что погоня за богатством отрицательно влияла на постановку диагноза, а также препятствовала адекватному лечению³⁸. Да и в глазах знатного римлянина труд за деньги унижал человека. Занятие науками и искусствами воспринимались в среде богатых образованных римлян как *otium*, интересное проведение досуга, некое хобби, которому свободный человек мог и обязан был посвящать время, чтобы не прослыть невежей. Это же относилось и к медицине, считалось, что знать ее — вполне прилично и похвально.

Множество римских авторов периода Республики и Империи оставили обширные медицинские сочинения, предполагая, что у них найдутся читатели. Оратор Апулей Сатурнин на суде по обвинению в колдовстве привел целый ряд медицинских аргументов, цитируя Платона, Аристотеля и Феофраста об эпилепсии, чтобы показать, что его обвинители, в отличие от образованного человека — судьи, были обычной деревенщиной, неспособной отличить медицину от магии. Луций Анней Сенека, воспитатель императора Нерона, обнаруживает в своих трудах такое знание медицины, что историки XIX в. были уверены в том, что Сенека, несомненно, был опытным практикующим врачом³⁹. Греческий моралист Плутарх Херонейский вывел в своих «Застольных беседах» персонажей, обсуждающих медицинские темы — от анатомии до описания заболеваний. Пятьдесят лет спустя Авл Геллий, римский любитель древностей и писатель, вспоминая споры афинской молодежи времен оратора и влиятельного государственного деятеля Герода Аттика, считал ужасным невежеством для образованного человека не знать различия между артериями и венами. Было бы ошибкой полагать, что это различие не было известно сенаторам, бывшим консулам и родственникам императора, посещавшим публичные демонстрации или присутствовавшим на «показательных» беседах у постели больного, которые проводил Гален, а позже просившим у него копии лекций.

Но работать врачом благородному римлянину не подобает! Та обычная зависимость, в какой находится больной от врача, и личный контакт, в котором

³⁷См.: *Scarborough J. Roman Medicine*. P. 109.

³⁸*Плиний Старший*. Естественная история. XXVI. 7.12–13; XXIX. 7.14. Цит. по: *Pliny the Elder. The Natural History*. Eds. John Bostock, H.T. Riley. L., 1855–1857. С. 276–279.

³⁹См.: *Nutton V. Ancient Medicine*. P. 252.

естественно должны были находиться врач и его пациент, отталкивал римлян от медицинской практики.

По мере превращения Рима из областного города, каким он был вначале, в мировую столицу, потребность во врачебной помощи становилась все более и более ощутимой, и с начала I в. до н. э. свободные врачи греческого происхождения начинают поселяться в Риме. Вероятно, быстрый рост населения был одной из причин того, что рабам в Риме разрешалось заниматься медициной, в отличие от Греции.

Эта возможность была ими использована, и если еще в начале I в. почти все римские врачи носили греческие фамилии, то в последнем десятилетии этого века среди врачей встречается уже много римлян. Так, по данным P. Prioreschi, процент врачей имевших римское гражданство составлял в I в. 20%, во II — 50%, в III — 75%, а выходцы из греческого мира составляли в I в. 90%, во II — 75%, в III — 66%⁴⁰.

Раз начавшись, процесс эллинизации римской культуры, в немалой степени благодаря греческим врачам, стал необратимым. Ко времени Империи сельскохозяйственная медицина постепенно приспособилась к новым условиям и внешним влияниям. К этому присоединилось и то обстоятельство, что римляне, хотя и очень медленно, но меняли свой первоначальный взгляд на врачебную профессию. Старое римское воззрение, согласно которому всякая профессия, связанная с оплатой, недостойна римского гражданина, и заниматься ею могут только рабы и иностранцы, долго удерживаться не могло.

Со временем начинает утверждаться представление, что некоторые профессии, в особенности требующие специальных знаний, так называемые свободные искусства — *artes liberales*, ничего позорного в себе не заключают; им противопоставлялись ремесла в качестве искусств несвободных — *artes illiberales*. К либеральным профессиям причислили и профессию врача, понимая под ним лишь такого врача, деятельность которого требует известной подготовки, и противопоставляя ему всякого рода знахарей, заклинателей и просто мошенников.

Социальный статус врача был различен. Хотя основная масса римлян не признавала греческих врачей, тем не менее они в значительном количестве практиковали в домах римских аристократов периода поздней Республики и Импе-

⁴⁰См.: Prioreschi P. A History of Medicine. Vol. III. Roman medicine. Omaha, 1998. P. 586.

рии. Личные врачи императора и его окружения — характерная черта такого статуса врача в ранней Римской империи⁴¹.

Время от времени врачи выступали и как *важные политические фигуры*, которые могли достигнуть значительных высот власти. Грек Критон, врач, сопровождавший императора Траяна (98–117) в его военных компаниях против Дакии, за успешное проведение этой кампании пользовался, как пишет историк II–III вв. Кассий Дион, большим почетом⁴².

Интересен пример Л. Геллия Максима, друга Каракаллы (211–217). Он был архиатром и сыном врача из Эфеса и совершил неудачную попытку захватить принципат, будучи легатом Четвертого (Скифского) Легиона, располагавшегося в Сирии. Он был казнен в 219 г.⁴³ Кстати, Геллий был одним из группы в Эфесе и Антиохии, имевшей политический вес. Эта группа покровительствовала искусствам и имела негласную поддержку Пергама и его знаменитого Музея. Врачи, входившие в эту группу, не только преследовали политические цели, но и были главами семей, гордившихся своими философскими и научными познаниями, и их влияние в Антиохии длилось достаточно долго. В IV в. один из врачей Дор (Dorus) сделал попытку прорваться к власти в Риме. Первоначально он был врачом скутариев (scutarii)⁴⁴ и, через ряд последовательных повышений, дослужился до начальника ночной римской стражи, которая охраняла общественные здания и монументы. Он был в фаворе у Магнентия, императора Западной Римской империи в 350–353 гг., и принял участие в одной из интриг, взволновавших город⁴⁵.

Читатели знакомы с житием Григория и интригами, приведшими к его смещению с Константинопольской кафедры.

Военные врачи

Много врачей требовала римская армия, проводившая обширные завоевательные походы. Начиная с первого диктатора Люция Корнелия Суллы (138–78), правление римских императоров носило ярко выраженный военный характер и опиралось на армию. Общее число воинов во времена Августа коле-

⁴¹См.: *Vogt J. Wege zur Menschlichkeit in der antiken Sklaverei // Slavery in Classical Antiquity*. Ed. M.I. Finley. Cambridge, 1964. P. 33–52.

⁴²См.: *Jackoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin, 1929. II. S. 931–932.

⁴³См.: *Scarborough J. Roman Medicine*. P. 112.

⁴⁴Скутари — основной род войск, пехотинцы, образующие щитовой строй, аналог римских легионеров.

⁴⁵*Scarborough J. Roman Medicine*. P. 112

балось от 250 до 300 тыс. человек. Военные врачи имелись во всех подразделениях (легионах, когортах, алариях — конница у римлян) и во всех родах войск: в каждой когорте было четыре врача-хирурга; во флоте на каждом военном корабле было по одному врачу. Примерно со II в. стали устраивать военные госпитали для раненых и больных — валетудинарии, в штате которых, естественно, были врачи⁴⁶.

Возможно, в этот период было установлено государственное жалование и наиболее удачливые врачи могли его получать, а законы поздней Империи сохранили эту традицию⁴⁷.

Врачи на государственной службе

В городах и отдельных провинциях стали учреждаться оплачиваемые должности врачей — архиатров (греч. ἀρχιάτρως — верховный врач). При дворе императора служили *archiatri palatini*, первым императорским архиатром в Риме считается Ксенофон (I в. по Р.Х.) — личный врач императора Клавдия, которого этот правитель представлял как уроженца о. Кос и потомка легендарного Эскулапа (Асклепия). Врачи на государственной службе в провинциях назывались *archiatri provinciales*, в городах — *archiatri populares*. Этих врачей выбирал городской совет, состоящий из не-врачей, потенциальных пациентов, они находились под контролем центрального правительства и городских властей, которые строго следили за их выборами и назначением. Процедура выборов напоминала строгий экзамен, после него врач получал звание *Medicus a Republica probatus* («врач, утвержденный государством»). Существовала серия постановлений, определяющих критерии, на основе которых городские советы осуществляли свой выбор. Среди них были «высокая нравственность и навык в своем искусстве». Также члены совета предостерегались от того, чтобы делать выбор «из страха или предпочтения». Архиатры работали при объединениях ремесленников, в банях, театрах, цирках и так далее. Они имели постоянное жалование, но могли заниматься и частной практикой. Выдающийся врач древнего мира Гален, грек по происхождению, в молодые годы в течение ряда лет работал врачом в школе гладиаторов в Пергаме.

Прием кандидата на пост городского врача давало потенциальным пациентам возможность приглядеться к своему будущему врачу, а почетные декреты, которые часто издавались, могли расцениваться как признание заслуг. Но

⁴⁶Ibidem. P. 67.

⁴⁷Nutton V. *Ancient Medicine*. Routledge. L.–N. Y., 2004. P. 254.

было много других врачей, которые не проходили собеседование подобного рода или никогда не становились соискателями на эту должность. Врачи, бывшие на государственном обеспечении, имели большие возможности, однако нужды широкой публики удовлетворялись в основном частной практикой, так что население имело основания не доверяться первому встречному. Легко объяснимо поэтому и стремление иметь домашнего врача из своих рабов или отпущенников.

Римские аристократы вполне понимали разницу между тем, что могла представить в их распоряжение эллинистическая медицина и что — врач-*medicus*, как называли римляне *врача, практиковавшего среди простонародья*. Врачи, в основном греческого происхождения, знакомые с медицинскими эллинистическими теориями, обслуживали более влиятельную публику. Основную же часть населения городов обслуживали *medici*, имевшие практический навык в своем деле и бывшие на положении ремесленников. Таким образом, в Риме создалось своеобразное положение, при котором лишь известное число обеспеченных могло пользоваться настоящей врачебной помощью, тогда как масса населения этой помощи была лишена. Остатки обычного права относительно врачей в городах Римской империи говорят о том, что классовое разделение среди них отмечалось еще в ранней Империи; по-видимому, выплата жалованья врачам осуществлялась согласно их социальному статусу⁴⁸.

Социальное положение практикующего медика было, по-видимому, не очень высоким: судя по эпитафиям, многие умирали в бедности.

Итак, среди римских врачей периода Империи были мужчины и женщины, свободные и рабского происхождения. Самые смелые врачи не боялись сложного и полного опасностей мира большой политики и армии. Славу приносили вещи иные, чем профессия врача. Врач-политик, врач-философ, *servus medicus* и домашний врач-раб сосуществовали в одну и ту же эпоху, и никому не приходило в голову, что их функции могут хоть как-то пересекаться.

Все эти люди не формировали некую группу с четкими границами и четким статусом, репутацией и мировоззрением. Одной из главных причин этой размытости границ, несомненно, было отсутствие какого бы то ни было юридического критерия, определяющего, кого можно было называть врачом. Некоторые античные авторы, говоря о «врачебной» или «медицинской» профессии, пытались изложить общие принципы поведения. Римский государственный деятель и военачальник Луций Корнелий Сулла попытался было возложить на

⁴⁸Scarborough J. Roman Medicine. P. 111.

врачей ответственность в случаях нерадения или невежества и издал закон, по которому врач за дурное лечение подвергался изгнанию и даже смерти. Но этот закон остался без применения. Также оставались без внимания и другие требования, чему не последней причиной было полное отсутствие большинства из тех институций, которые в наше время поддерживают высокое представление о профессии врача. Только в отношении двух пунктов — налогообложения и государственного жалования — можно найти следы определенной системы проверки, которая позволяла отличить «настоящего» врача от «ненастоящего».

Наличие врачей, получивших систематическое образование — одна из характеристик зрелой цивилизации. Отсутствие в истории Рима систематического врачебного образования также затрудняло четкое различие между лекарем и врачом. Единственным критерием мог служить опыт. Обучающий наставлял учеников либо у постели больного, либо читая лекции в своем заведении. Можно дать определение лекаря как человека, который имеет некоторые практические познания в медицине (например, как удалять зубы или вправлять переломы), но у которого, (в отличие от врача, имеющего теоретическое образование), отсутствует базовое образование. Медицина входила в круг среднего образования, а риторика и софистика — высшего; при этом медицина не была обязательной дисциплиной, хотя ее изучение было частью хорошего образования⁴⁹. Вместе с геометрией, астрономией, математикой, теорией музыки она составляла *ἐγκύκλιος παιδεία* — общее образование⁵⁰.

Знающий врач очень ценился в Риме. Он должен был разбираться в анатомии и физиологии, а также знать фармакологию. По мнению Галена, знание анатомии для врача необходимо, но, чтобы знать анатомию, нужно препарировать высших животных, таких как обезьяны, (вскрытия людей были запрещены). Однако анатомирование животных было весьма редким явлением в Риме того времени. Эмпирики считали анатомирование излишним, и, по их мнению, достаточно было сведений, почерпнутых из руководств. На анатомировании животных настаивали лишь немногие приверженцы догматического направления или врачи вроде Галена. Для этих целей обычно использовали кроликов и свиней, а также особый вид обезьян (бесхвостых макак)⁵¹.

Врачи эллинистической культуры происходили из всего широчайшего спектра классов общества, от рабов до друзей римских императоров, и мы мо-

⁴⁹ Иларион (Алфеев), митр. Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., 2001. С. 18.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Scarborough J. Roman Medicine. P. 116.

жем лишь гадать о том, получило ли большинство этих людей образование подобное тому, которое получил Гален, который похвалялся своим философским образованием так же часто, как и медицинским⁵².

В Римской республике стали проявляться элементы государственной регламентации медицинского дела, которые закреплялись и утверждались в период Империи. Греческая медицина получила признание в столице Римской республики при Цезаре и Августе, которые поддерживали распространение эллинистической медицины в Риме.

Важной вехой в этом отношении явился эдикт Юлия Цезаря, который в 46 г. до Р.Х. давал всем свободным иностранным врачам — выходцам из Греции, Малой Азии, Египта и других провинций государства, занимавшимся врачебной практикой в Риме, право римского гражданства, а вместе с тем возможность заниматься своей профессией совершенно свободно, подобно всякому свободному римлянину. Также и римляне, желавшие посвятить себя врачебной профессии, получили большую возможность учиться врачебному искусству. Римский историк и писатель Светоний Гай Транквилл сообщает, что Юлий Цезарь даровал римское гражданство всем, кто занимался медициной или учил свободным искусствам (*liberalium artium doctores*) в Риме, чтобы побудить их жить в городе и чтобы другие возжелали это сделать⁵³. С этого эдикта начинается история римской медицины в собственном смысле слова.

Римский император Веспасиан (69–79) в 74 г., а позже Адриан (117–138) подтвердили предыдущее освобождение врачей от налогообложения и военной службы, наряду с риторами, философами, грамматиками; эта обязанность входила в часть налога на отцовское наследство. Эти привилегии были введены для того, чтобы гарантировать в крупных городах достаточную медицинскую помощь.

Судя по эдикту римского императора Домициана (81–96), он считал, что профессия врача подверглась унижению из-за того, что в нее принято много рабов и что врачи слишком жадны до денег, которые им платят за то, чтобы они обучали рабов медицине. Поэтому он запретил им принимать рабов в ученики, то есть учить их на врачей за плату. В сохранившихся установлениях императора Луция Аврелия Коммода (161–192) есть отрывок из письма Антонина Пия, в котором перечисляются привилегии врачей. Александр Север (222–235) уста-

⁵²Ibidem. P. 121.

⁵³Гай Светоний Транквилл. Божественный Юлий, 42 // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 19.

новил жалованье «риторам, грамматикам, врачам, гаруспикам, математикам, механикам и архитекторам» и государственные субсидии малоимущим студентам⁵⁴.

Первый римский христианский император Константин (Великий) (306–337) издал декрет о том, чтобы учителя и врачи не облагались налогами и другими повинностями. «Ремесленники, живущие в городах, освобождаются от всех повинностей, так как для изучения ремесла требуется досуг, тем более что они желают и сами усовершенствоваться и обучать своих сыновей. Перечень таков: архитекторы, врачи, ветеринары, живописцы, скульпторы... [далее перечисляются еще 33 профессии ремесленников]»⁵⁵. Важно отметить, что врачи и ветеринары в этом ряду стоят в числе первых.

Юлиан Отступник (361–363) отменил многие льготы, но оставил их врачам и подтвердил льготы, данные им предшествующими императорами⁵⁶. Закон о врачах от 12 мая 362 г. — последний законодательный акт, который он издал, прежде чем уехать из Константинополя на роковую для него войну с персами, — признавал значение медицины: «То, что медицинское знание спасительно для рода человеческого, явно известно по опыту. Поэтому правы сыны философов, провозглашая, что знание это имеет небесное происхождение. Ибо с его помощью преодолеваются как слабость нашей природы, так и беды, нападающие на нас. Поэтому в согласии с разумом и справедливостью, мы постановляем, в соответствии с актами предшествующих императоров и нашим благоволением, чтобы вы [врачи] в будущем могли жить, будучи свободными от бремени, подобно сенаторам»⁵⁷.

В 158 г. было создано такое элитное учреждение, как Коллегия врачей в Риме, избрание в которую врачи проводили в своей среде. Такое создание группы врачей, пользующихся особыми привилегиями, оставляло за бортом других, которые обладали таким же уровнем мастерства. Это особенно вероятно, если принять во внимание то, что целью Антонина Пия было увеличить число лиц, которые были обязаны принимать участие в «литургиях». Возможно, у не вошедших в эти списки оставались некоторые привилегии — по кодексам законов можно проследить постоянную, на протяжении последующих четырех веков,

⁵⁴ *Nutton V.* Ancient Medicine. P. 255.

⁵⁵ *Ibidem.* P. 252.

⁵⁶ *Prioreschi P.* A History of Medicine. Vol. III. Roman medicine. P. 581.

⁵⁷ *Julian, the Emperor.* Letters, 31 // *The Works of the Emperor Julian* / Transl. W.C. Wright. Vol. III. L., 1923. P. 106–109.

борьбу этих ущемленных врачей — борьбу за то, чтобы удержать то малое, что им оставалось. А в это время их более удачливые собратья получали все новые и новые льготы, уважение и власть. Та редкая похвала, которой врач удостоивался в не медицинской литературе, помогает понять особенность социального положения римского врача. Величайший римский политический деятель, оратор и философ Цицерон горюет о смерти своего врача Асклапона (свободного человека) и своего раба Алексиона не столько потому, что они были хорошими врачами, сколько потому, что он лишился их человеческого участия и приятного общения. Похвальное слово медицине Цицерона имеет весьма существенные оговорки по ходу речи, хотя он и называет медицину «свободным и благородным искусством». В самом деле, это искусство благородно, но только по сравнению с работой сборщиков податей, плотников, поваров и танцоров — она ниже риторики, политики, агрономии и подобает «только соответствующему социальному классу». К этому классу, разумеется, Цицерон себя не относил⁵⁸.

Сенека говорит о том, какими качествами должен обладать врач, рассказывая о своей дружбе со своим врачом. «Так как они становятся нашими друзьями, будучи и врачом и учителем, то мы обязаны им, не только из-за их искусства, которое они продают за деньги, но за их доброту и дружелюбие по отношению к нам». Сенека учится у своего врача, и учится не только их ремеслу, но и добродетели, которую являет собой истинный врач. Врач, который просто «делает свое дело» всего лишь прибывает по вызову пациента, щупает пульс и дает советы о том, что делать, а чего избегать. Сенека пишет о таком враче: «Я не должен ему ничего более».

Здесь Сенека различает человека, дающего совет, и человека, совершающего благодеяние. В глазах Сенеки есть два рода врачей: те, кто знает медицинские методы и приемы, и те, которые будучи человеческими, обладают обширными знаниями в философии и хорошо образованы. Последних Сенека желал бы включить в число своих друзей, а на первых просто не обращал никакого внимания, как не обращал он внимания на паромщиков. Идеальный врач Сенеки был также и учителем. «Прибавь сюда и то обстоятельство, что сообщение этих знаний, — писал он, — сближает между собою души людей. Как скоро это

⁵⁸См.: *Марк Туллий Цицерон*. Письмо к Аттику. XV, ia.i; Письмо к близким, XII, 20 // *Марк Туллий Цицерон*. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. I–III / Пер. и комм. В.О. Горенштейна. М.–Л., 1949–1951.

(сближение) достигнуто, то как врачу, так и наставнику за труд уплачивается вознаграждение, а за душевное расположение — остаются в долгу»⁵⁹.

Христиане до Христа среди великих врачей древности

Как уже указывалось, христианство признавало заслуги избранных представителей науки и культуры греко-римского мира, в том числе и медицины. До настоящего времени живет в церковном употреблении введенное мч. Иустином Философом понятие «христиане до Христа». В притворах византийских храмов позже будут изображены античные мудрецы — те «древние, которые так близко подходили к нашим», как говорил о них свт. Григорий Богослов⁶⁰. Среди них не только Платон, Аристотель, Эпиктет, но и Гиппократ, врач из рода Асклепиадов с о. Кос.

С именем Гиппократа (V в.) связана одна из медицинских школ периода Античности, так называемая Косская школа. Эта врачебная школа наряду с другими создала фундамент для европейской медицины в последующие периоды. Достижения этой эпохи в области медицины отражены в «Гиппократовом сборнике», составленном в III в. до Р.Х. В частности, там говорится, что далеко не все болезни имеют непосредственно божественное происхождение: «Нет нужды думать, что эта болезнь (эпилепсия) превосходит божественностью прочие, но все они божественные и все человеческие. Природу же и силу каждая из них имеет сама по себе, и ни одна из них не отвергает лечения или помощи, но большая часть из них излечивается всем тем, откуда и происходит, ибо одно для одного есть пища, а для другого — гибель»⁶¹. Особенно интересны в контексте исследования сочинения, посвященные врачебной этике. Качества, требуемые от врача и изложенные в «Сборнике», по сути, являются качествами христианина: «Должно также ему (врачу) <...> быть благоразумным не только в том, чтобы молчать, но также и в остальной, правильно устроенной жизни. И это наиболее принесет ему помощь для приобретения славы. Пусть он также будет по своему нраву человеком прекрасным и добрым, и, как таковой, значительным и человеколюбивым. <...> Он должен быть справедливым при всех обстоятельствах, ибо во многих делах нужна бывает помощь справедливости, а

⁵⁹ Луций Анней Сенека. О благодеяниях (De beneficiis). Кн. IV. Гл. 16–17 // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С. 136–137.

⁶⁰ Григорий Богослов, свт. Письмо к Филагрию // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т.2. Минск–Москва, 2000. С. 629.

⁶¹ Гиппократ. Клятва. Закон о враче. Наставления / Пер. с древнегреч. В.И. Руднева. 1998. С. 512.

у врача с больными — немало отношений: ведь они поручают себя в распоряжение врачам, и врачи во всякое время имеют дело с женщинами, с девицами и с имуществом весьма большой цены, следовательно, в отношении всего этого врач должен быть воздержанным. Итак, вот этими-то доблестями души и тела он должен отличаться»⁶².

В знаменитой «Клятве», традиционно приписываемой Гиппократу, но являющейся квинтэссенцией мировоззрения античных врачей, отражена их позиция по таким актуальным и в современном мире проблемам как эвтаназия, аборт, медицинская тайна и другим: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. <...> В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами. Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной»⁶³.

Призыв к бескорыстному врачеванию как идеалу также весьма близок к евангельской заповеди. В гиппократовой медицине рекомендовалась сдержанность или даже отказ от вознаграждения, если речь шла о малообеспеченных пациентах: «Если ты поведешь сначала дело о вознаграждении, — ведь и это имеет отношение ко всему нашему делу, — то, конечно, наведешь больного на мысль, что, если не будет сделано договора, ты оставишь его или будешь небрежно относиться к нему и не дашь ему в настоящий момент совета. Об установлении вознаграждения не следует заботиться, так как мы считаем, что обращать на это внимание вредно для больного, в особенности при остром заболевании: быстрота болезни, не дающая случая к промедлению, заставляет хорошего врача искать не выгоды, а скорее приобретения славы. Лучше упрекать спасенных, чем наперед обирать находящихся в опасности. <...> И я советую, чтобы ты не слишком негуманно вел себя, но чтобы обращал внимание на обилие средств (у больного) и на их умеренность, а иногда лечил бы и даром, считая благодарную память выше минутной славы. Если же случай представится оказать помощь чужестранцу или бедняку, то таким в особенности должно ее доставить, ибо где любовь к людям (филантропия), там и любовь к своему искусству (филотехния). Хоро-

⁶²Там же. С.96–97.

⁶³*Гиппократ. Клятва. Закон о враче. Наставления* / Пер. с греч. В.И. Руднева. 1998. С. 87.

шо руководить большими ради здоровья; заботиться о здоровых ради того, чтобы они не болели; заботиться о здоровых и ради благоприличного поведения!» (Наставления, 4)⁶⁴.

Ценности, которые изложены в «Сборнике», одинаково относятся как к христианским, так и к общечеловеческим. Лексикограф Эроциан, живший при Нероне (I в.), рекомендовал изучение Гиппократовых всем людям интеллигентных профессий, а не только будущим врачам, ставя его наравне с Гомером, Демокритом, Геродотом, Фукидидом⁶⁵. Медицину в античном мире изучали не только ради ремесла, но и для общего образования, при этом, несомненно, имело место влияние на читателя этических и нравственных норм, отраженных в сочинениях «Гиппократового сборника», ведь слова его оценивались современниками как «глас божий». Эти этические положения, порой удивляющие современных людей своим радикализмом, разделяли многие врачи Античности. В древней Греции существовала целая традиция безмездного врачевания: например, врачи Диодор с Самоса, Фидий из Афин, Никандр с Делоса, Полигнот с Кеоса, Менокрит с Карпафа, Дамиад из Гиффия помогали бедным жителям собственными средствами, отказывались от платы за свои услуги в период эпидемий. Были они известны и последующим поколениям врачей⁶⁶.

Кризис медицинской профессии в эпоху поздней Античности

В период кризиса в области духовной жизни древних народов, ставшего особенно заметным в III в. по Р.Х., врачам было трудно найти нравственное обоснование своей деятельности. Философские и этические учения греко-римского мира не сумели создать концепцию, которая внушала бы надежду людям. Даже стоицизм провозглашал лишь то, что награда добродетели — в самой добродетели. Великий неоплатоник Плотин относил медицину (как и земледелие) к искусствам, помогающим природе (Эннеады, V, 9,11)⁶⁷, но стоило ли помогать человеческой природе, заболевшей телесностью вообще? Сердце и опыт говорили да, безусловно, но разуму согласиться с этим было сложнее. В философии того времени прочно установилось положение, указанное еще Пла-

⁶⁴ Там же. С. 120–121.

⁶⁵ См.: Трохачев С.Ю. Потомок Асклепия (вступительная статья) // *Гиппократ. Этика и общая медицина* / Пер. с древнегреч. В.И. Руднева; под ред. С.Ю. Трохачева. СПб., 2001. С. 31.

⁶⁶ См.: Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 142–153.

⁶⁷ Цит. по: Татаркевич В. Античная эстетика. М., 1977. С. 297.

тоном в «Кратиле»: σῶμα — σῆμα (тело — темница)⁶⁸. Гнушение телесностью, свойственное для неоплатоников, не давало возможности врачам поздней Античности для обоснования собственной профессии — если человек желал быть именно «врачом-философом», он не мог найти оправдания исцелению телесности — могилу и темницу не надо врачевать. У стойких люди, желавшие излечивать болезни, тоже не находили необходимой поддержки: «Поздние стойки первых двух веков нашей эры удивляют чувством чрезвычайной слабости человеческой личности, ее полного ничтожества, ее безвыходности, ее невероятной покорности судьбе»⁶⁹. Присутствовал, таким образом, своеобразный кризис профессии врача. Вместо высокого знания ἐπιστήμη, укорененного в философии, подтверждаемой всем образом жизни, оставалось лишь врачебное искусство, низводимое к мастерству горшечника — τέχνη ἰατρική, цель которого — заработок. Опуститься до давно язвительно описанных Аристофаном в «Облаках» «ученых, и врачей, и гадателей, франтов в кудрях, с перстеньками на крашенных пальцах, голосистых искусников в скучных хорах, описателей высей надзвездных <...> бездельников праздных»⁷⁰ желали не все. Идеал врача-философа, озвученный Галеном, то есть врача, сильного во всех трех областях философии — логике, физике и этике⁷¹, был идеалом многих юношей, начинавших, подобно Пантолеону из Вифинии, изучать врачебное искусство. Хотя медицина была сначала отдана в Римской империи рабам-грекам (*servi medici*), а затем вольноотпущенникам, то есть людям, заинтересованным в денежном доходе, среди врачебной интеллигенции было много людей, которые желали излечивать не ради гонораров. Что касалось храмовых жрецов-врачевателей, то их низкая нравственность в свое время подвела романтика и реставратора язычества Юлиана Отступника. Насмешки вроде «вышел, наконец, он от больных, мол, ноги Эску-

⁶⁸ Платон вкладывает в уста Сократа такие слова: «Многие считают, что тело подобно могильной плите (σῆμα), скрывающей погребенную под ней в этой жизни душу. В то же время эта плита представляет собою также и знак (σῶμα), ибо с ее помощью душа обозначает то, что ей нужно выразить, и потому тело правильно носит также название «сома» (σῶμα). И все же мне кажется, что скорее всего это имя установил кто-то из орфиков вот в каком смысле: душа терпит наказание — за что бы там она его ни терпела, — а плоть служит ей оплотом, чтобы она смогла уцелеть, находясь в теле, как в застенке. Так вот, тело есть так называемая плоть для души, пока та не расплатится сполна, и тут уж ни прибавить, ни убавить ни буквы» (Платон. Кратил. 400с / Пер. Т. Васильевой // Платон. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 1. М., 1994. С. 634). Идея о теле как могиле души является орфико-пефагорейской. — Прим. отв. ред.

⁶⁹ Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика. М., 2002. С. 291.

⁷⁰ Аристофан. Облака / Пер. А. Пиотровского. М., 1970.

⁷¹ Jackson R. Doctors and Diseases in the Roman Empire. Oklahoma, 1988. P. 59.

лапу перевязывал и руку Аполлону! Вы подумайте: Кто — лекарь перед вами или мраморщик?»⁷² и разоблачения злоупотреблений вокруг ритуала целительного сна ἑγκοιτίσις в асклепейонах еще у Аристофана («Плутос») также имели под собой вполне реальную основу. Дары даже такому не требовательному и лечащему бедняков божеству, как Асклепий, считались обязательными, и храмы имели огромные богатства⁷³.

Христианское мировоззрение сосредоточивалось на социально-нравственной проблематике. Быт первых христианских общин оставался более здоровым и чистым по сравнению с языческим миром, в них утверждалась мораль взаимопомощи, благотворительность ставилась выше культовых действий.

Эти факторы немало способствовали тому, что врачи обращались в христианство для разрешения создавшегося в их мировоззрении кризиса, который пусть и не был сводим до конца к исключительно профессиональному, но был тесно с ним соединен. Не следует забывать, что во все времена «врач» является не столько профессией, сколько целожизненным служением.

Неудивительно, что из врачей-христиан образовалась самая большая группа святых с указанием профессиональной принадлежности⁷⁴. Они спешили войти в «парадоксальное сообщество с оптимистическим мировоззрением»⁷⁵, привлеченные тем, что образованные христиане называли «нашей философией»⁷⁶ или «истинной философией» — именно жизнью со Христом и во Христе, до мученичества, если это необходимо. Образцом для них был Сам Христос — не только Первый Мученик, Мученик и Свидетель верности Отца, но и великий Врач, как называет Его уже писатель поколения мужей апостольских, Игнатий Богоносец, в своем послании к Эфессянам⁷⁷. Врачи-христиане последовали Христу как живому идеалу врача. Не случайно Евсевий Памфил цитирует в от-

⁷²Тит Макций Плавт. Два Менехма / Пер. А. Артюшков) // Тит Макций Плавт. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. М., 1997.

⁷³См.: Avalos H. Health Care and the Rise of Christianity. Hendrickson Publishers, 1999. P. 92.

⁷⁴Из житийной литературы можно сделать вывод, что их численность уступает только численности святых-воинов.

⁷⁵Выражение Мирчи Элиаде. См.: Элиаде М. История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2008. С. 464.

⁷⁶Аверинцев С.С. Наша философия // Словарь «София–Логос». Киев, 2006. С. 612.

⁷⁷«...есть только один врач, телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, сперва подверженный, а потом не подверженный страданию, Господь наш Иисус Христос» (Игнатий Антиохийский, свщ.мч. Послание к Эфессянам, 7 // Писания мужей апостольских. СПб, 2007. С. 389).

ношении Христа фразу о враче из трактата Гиппократов «О ветрах»: «Он один, как Единородный, всеблагый Сын всеблаготого Отца, подражая Отеческому чело- веколюбию, с совершенной готовностью принял нашу природу, находившуюся в бездне погибели. И как искуснейший врач, который ради спасения больных смотрит на страшное, касается отвратительного и за чужие страдания сам подвергается скорби, Он вылечил нас, не только больных, замученных страшными язвами и гнойными ранами, но уже поглощенных смертью, и исхитил из ее чело- люстей» (Церковная история, X, 4, 11)⁷⁸. Нельзя также забывать, что Σωτήρ означало для греческого уха и Спаситель, и Целитель.

У каждого врача в эллинистическом и римском мире имелся титул ἰα- τρός, который ставился после имени — эта традиция сохранилась и при передаче имен св. врачей в мартирологах и святцах: Диомид врач, Пантелеимон врач, Орест врач и так далее, что позволяет приблизительно проследить число этих замечательных святых.

Интересно отметить, что альтернативным выходом из упомянутого выше кризиса был неоплатонизм — среди учеников и последователей Плотина было немало врачей, в том числе практиковавших теургию. Среди его учеников Порфирий в «Жизни Плотина» упоминает о Павлине Скифопольском, прозванном «Малюткою» за свое непонимание учения Плотина, а также Евстохии Александрийском и Зефе, не оставивших своего тяжело больного наставника, покинутого из-за ужаса перед его болезнью всеми учениками⁷⁹. Андрей Хризалис был одним из первых врачей, практиковавших на неоплатонически основанном подходе к врачебному искусству. «Болезни, согласно этому учению, зависят от низших духов, которых можно умиловить жертвоприношениями, заклинаниями и различного рода символами и таинственными словами. <...> Высшая степень магии <...> теокразия <...> состояла в общении с источником света и лечению болезней через посредство самого Бога. Затем следуют:

⁷⁸ «Есть некоторые из искусств, которые для обладающих ими тяжелы, а для пользующихся ими — благотельны, и для обыкновенных людей — благо, приносящее помощь, а для занимающихся ими — печаль. Из числа этих искусств есть и то, которое эллины называют медициной. *Ведь врач видит ужасное, касается того, что отвратительно, и из несчастий других пожинает для себя скорбь; больные же благодаря искусству освобождаются от величайших зол, болезней, страданий, от скорби, от смерти, ибо против всего этого медицина является целительницей» (Гиппократ. О ветрах, 1 / Гиппократ. Избранные книги / Пер. с древне греч. В.И. Руднева М., 1994 (репринт 1936 г.). С. 263).*

⁷⁹ См.: Порфирий. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учении и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 465.

теургия, излечивающая болезни посредством добрых, и гоэтия — посредством злых духов, собственно магия, излечивающая болезни посредством материальных (злых, гнездящихся в земных телах) и высших духов, наконец, фармация, или тот вид воздействия на болезни, при котором стараются укрощать духов с помощью лекарственных веществ»⁸⁰. Таким образом, выбор стоял между выбором медицины-философии как искусства и медицины-философии как языческого религиозного культа. Надо заметить, однако, что сам Плотин не практиковал не только гоэтию (или гонтейю), как называли низшее волшебство, но и собственно теургию, в отличие от Порфирия и тем более Прокла.

В эпоху позднего эллинизма магия стала спутницей ученых и «ученые сами выдавали себя за магов, и притом с глубоким внутренним убеждением. Конечно, они были жертвами суеверия, однако того суеверия, которое сами обосновывали и распространяли»⁸¹. Это коснулось и медицины.

Помимо храмовых чудотворений, среди народов, населявших Римскую империю распространялись легенды о «божественных мужах»-чудотворцах⁸², например, Аполлонии Тианском, Апулее, враче Асклеиаде Вифинском (жившем в I в. до Р.Х.)⁸³: «Мир жаждал чудес; чудом было возвращение правильного движения хромому, зрения — слепому; чудом из чудес — возвращение жизни умершему. Сакральная медицина снова заняла свое... место»⁸⁴. Принятие христианства императором Константином и его наследниками обозначило перелом в отношении к языческому прошлому, но период царствования императора Юлиана (361–363 гг.) показал, что языческая составляющая Римской империи еще достаточна сильна.

⁸⁰ Ковнер С.Г. Очерки истории медицины. Т. IV. Киев, 1882. С. 10.

⁸¹ Аверинцев С.С. Эволюция философской мысли // Культура Византии. IV– первая половина VII века. М., 1984. С. 59.

⁸² См.: Струкова А.С. Образ божественного мужа в позднеантичной литературе и языческий взгляд на христианство // Сайт Центра антиковедения СПбГУ. URL: <http://centant.pu.ru/centrum/publik/confplat/2001/strukova> (дата обращения: 30.12.2010).

⁸³ См.: Мельникова А.С. Магия в «Апологии» Апулея и «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Сайт Центра антиковедения СПбГУ. URL: <http://centant.pu.ru/sno/publ/Meln> (дата обращения: 30.12.2010).

⁸⁴ Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. С. 120–121.

Св. Кесарий Каппадокийский — врач, политик, святой: портрет в историческом контексте

Конфликт неоплатонического и христианского подхода к врачебному искусству отразился в судьбе одного из святых врачей — св. Кесария Каппадокийского, брата свт. Григория Богослова, ровесника Юлиана Отступника.

Св. Кесарий был младшим братом свт. Григория и младшим ребенком в семье. Он родился около 330 г. в малоазийской области Каппадокия, в фамильном имении недалеко от городов Назианз и Арианз. Его отец, Григорий-старший, богатый аристократ, до зрелых лет принадлежал к языческой секте иписистариев, но еще до рождения сыновей принял крещение под влиянием своей жены Нонны, глубоко верующей женщины, которая была намного моложе его и происходила из христианской семьи. Свт. Григорий-старший обладал заметными организаторскими способностями, активно участвовал в политической жизни Назианза и славился своей честностью. Неудивительно, что вскоре после Крещения он был всенародно избран в качестве епископа города Назианза — должность, требовавшая не только благочестия, но и хозяйственной сметливости. Однако у него был очень властный характер, и его отношения с сыновьями сложились поразному. Если Григорий-младший, брат св. Кесария, по натуре более мягкий, был послушен отцу, против его воли оторвавшего его от созерцательной жизни философа и сделавшего своим помощником, то св. Кесарий нашел в себе силы воспротивиться отцовской власти. Надо отметить, что пресловутая власть отца, *patria potestas*, была в позднеантичное время в высших слоях римского общества весьма обширной.

Получив блестящее образование сначала в Назианзе, затем в Кесарии Каппадокийской, Кесарии Палестинской и Александрии, св. Кесарий, в отличие от брата, тяготевшего в риторике («филологии», как он называл ее), стал врачом. Более того, ему, провинциалу из Каппадокии (области, над жителями которой привычно смеялась столичная элита), удалось сделать стремительную карьеру при дворе императора Констанция, который ввел его в сенат и сделал придворным врачом. Для сравнения, вспомним, как тяжело пришлось его брату, свт. Григорию Богослову, не уступающему ему в талантах, два десятилетия спустя, когда он стал епископом Константинопольским и испытал все: от насмешек над его провинциальным произношением до метания камней в него во время проповеди, не говоря уже о коварных интригах, жертвой которых он в конце концов и стал.

Итак, врач св. Кесарий стал государственным деятелем, унаследовав способности отца. Но семья, заложенное в него его матерью, благотворительницей, диакониссой, глубоко верующей христианкой, дало свои всходы. Вообще, между сыном и матерью была глубокая духовная связь (несмотря на то, что Нонна смогла кормить грудью во младенчестве только старшего сына, а младшему пришлось взять кормилицу). Шутливое соперничество между братьями за любовь матери нашло отражение в речах свт. Григория.

Он категорически отказывался от требований отца и уговоров брата покинуть двор и вернуться в Назианз. Необходимо отметить, что его придворная жизнь была достойна христианского имени. Как раз в это время в Империи начинают открываться благотворительные лечебницы или приюты для бедных, которые находятся на содержании христианской Церкви. В этом продолжают традиции раннехристианской благотворительности в Церкви, которая после Миланского эдикта получила большую свободу для своего социального служения⁸⁵. Один из подобных приютов для прокаженных был открыт по инициативе Василия Великого⁸⁶. К сожалению, мы не знаем доподлинно, какое участие принимал св. Кесарий в деятельности этого рода, но смеем предполагать, что он не оставался в стороне. В пользу этого также можно отнести близость к свт. Василию — частично сохранилась их переписка (но по другому поводу). И его брат, свт. Григорий Богослов, неоднократно прибегал к своему красноречию, призывая своих современников к состраданию несчастным⁸⁷.

Решающим испытанием, явившим друзьям и близким благородство и необычайную внутреннюю свободу св. Кесария, стал его диспут с императором Юлианом Отступником. В его царствование в Римской империи произошла трагическая интерлюдия, связанная с открытым переходом императора из христианства в язычество. Христиане снова стали гонимы. И в это смутное время на диспуте с императором, который считал себя философом, св. Кесарий недву-

⁸⁵ Кроме того, перешедший в христианство Константин принял много гуманных законов, в частности о казнях и подкидышах (См.: *Мейендорф И., протопресв.* Единство империи и разделение христиан // *История Церкви и восточно-христианская мистика.* М., 2003. С. 23).

⁸⁶ Один из первых благотворительных комплексов под названием «Василиас» был открыт по инициативе свт. Василия Великого в 370 г. Он включал гостиницы для чужестранцев, убежище для падших девушек, лечебницу, приют для прокаженных и подал пример ухода за прокаженными, заставив и других побороть страх и отвращение к этим больным (*Флоровский Г., прот.* Восточные отцы Церкви. М. 2003. С. 104).

⁸⁷ См.: *Григорий Богослов, свт.* О любви к бедным. Слово 14-е // *Григорий Богослов, свт.* Собрание творений. Минск–Москва, 2000. Т. 1. С. 246–278.

смысленно заявил себя христианином и отверг предложения Юлиана принять язычество и тем самым продвинуться на самый верх государственной лестницы. Это был вызов, достойный времен мучеников. Однако Юлиан не предал св. Кесария казни и ограничился ссылкой⁸⁸.

Свт. Григорий Богослов писал об этом поступке своего младшего брата: «Такая победа [смелый поступок св. Кесария], по моему суждению, гораздо выше и почтеннее могущества Юлиана, высокой багряницы и диадемы. И повествованием об этом превозношусь я более, нежели как стал бы превозноситься, если св. Кесарий разделял с ним целое царство»⁸⁹. Здесь прослеживается игра слов: имя собственное «Кесарий» и имя нарицательное «кесарь», как соправитель императора, со времен Диоклетиана. В речи свт. Григория св. Кесарий предстает перед нами как человек, достигший калокагатии (это слово заимствовано Климентом Александрийским и Оригеном из античной философии⁹⁰; в философии Платона — идеал гармонического сочетания физических и духовных способностей человека, естественно дополняемых его богатством и благородством души). Калокагатия, в античном понимании, вызревает в поколениях и не является какой-то «вспышкой» красоты и благородства — она передается словно традиция. В этом отношении верно то, что св. Кесарий унаследовал благородство античных врачей-христиан до Христа.

Для свт. Григория брат был истинным философом (то есть истинным христианином), так как Григорий и его современники называли христианское учение «наша философия»⁹¹.

После гибели Юлиана Отступника на войне с персами св. Кесарий был снова призван ко двору и при императоре Валенте занял важный пост квестора в Вифинии, но, чудесно спасшись во время разрушительного землетрясения в Никее, решил уйти от государственных дел и посвятить себя молитве и созерцательной жизни вместе с горячо любимым братом. Однако этому не суждено было сбыться. Приняв крещение, он через несколько месяцев умер. К этому времени он уже, видимо, не занимал никаких государственных постов и вел одинокую жизнь. Вероятно, поэтому его тело несколько дней лежало в доме, кото-

⁸⁸ *Григорий Богослов, свт.* Надгробное слово брату св. Кесарию. Слово 7-е // *Григорий Богослов, свт.* Собрание творений. Т. 1. Минск–Москва, 2000. С. 201.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ *Иларион (Алфеев), митр.* Жизнь и учение св. Григория Богослова. С. 433.

⁹¹ *Аверинцев С.С.* Наша философия (восточная патристика IV–XI вв.) // *Словарь «София–Логос».* С. 612. Ἡ καθ' ἑμᾶς φιλοσοφία. Это словупотребление имеется еще у мч. Иустина Философа, Афинагора, Татиана (См.: Там же. С. 635).

рый подвергался варварскому разграблению. Сохранилось письмо свт. Григория Богослова одному из друзей св. Кесария, епарху Софронию, с просьбой о помощи⁹². Сохранилось также скорбное письмо свт. Григория к другу св. Кесария Филагрию⁹³. Невозможно достоверно установить, был ли этот Филагрий знаменитым константинопольским хирургом, братом психиатра Посидония, или другим лицом.

Свт. Григорий пишет о горячо любимом и безвременно ушедшем брате в надгробном Слове: «Все любили его за целомудрие, не требуя с него Гиппократовой клятвы. <...> Всеми он был уважаем. <...> Всего же важнее то, что ни слава, ни окружающая роскошь не могли повредить благородства души его. Напротив, при многих и важных отличиях, одно только достоинство считал он первым — и быть, и именоваться христианином; а все прочее, в сравнении с этим, казалось ему игрушкой и суетой. <...> В таких мыслях он жил и умер, явив и доказав, по внутреннему человеку, перед Богом еще большее благочестие, нежели какое было видимо людьми, <...> другие его дела, покровительство <...> впадшим в несчастье, презрение к надменным, уважение к друзьям, свободу перед начальниками, подвиги за истину»⁹⁴.

Св. Кесарий не был женат и не имел детей. Все его имение, по его завещанию, было роздано Нонной на благотворительные цели. Забота о бедных и страждущих стала одной из основных черт характера ее младшего сына. Возможно, именно желание реализовать в полноте христианскую благотворительность на государственном уровне влекло его по ступеням государственной лестницы. Нонне было суждено пережить своего сына, и позже она была похоронена вместе с ним — очевидно, по ее желанию. Память св. Кесария воспоминалась ежегодно в Назианзе в один день с Сорока мучениками Севастийскими, особо почитаемыми в семье. Вероятно, он умер накануне их праздника, что очень символично. В православном месяцеслове его имя также стоит рядом с именами Севастийских мучеников — 9/22 марта⁹⁵.

Никаких сочинений св. Кесария до нашего времени не дошло, но его репутация как врача и ученого была очень высока — настолько, что его имя употреб-

⁹²Григорий Богослов, свт. Слово к Софронию Епарху // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 2. Минск–Москва, 2000. С. 521–522.

⁹³Григорий Богослов, свт. Слово к Филагрию // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 2. Минск–Москва, 2000. С. 521.

⁹⁴Григорий Богослов, свт. Надгробное слово брату св. Кесарию. С. 195.

⁹⁵Православный церковный календарь. 2010 год. Изд-во Московской Патриархии. С. 38

лялось для псевдоэпиграфов, то есть произведений, написанных в более позднее время и намеренно приписываемых их авторами великим людям прошлого⁹⁶.

Фигура св. Кесария Каппадокийского высится среди истории античной медицины, заставляя невольно вспомнить как о мучениках ранней Церкви, так и о бескомпромиссности античных философов, ищущих истину. Ведь еще Гиппократ писал, что «врач-философ подобен богу» (О благоприличном поведении, 5)⁹⁷.

Источники

1. The Works of the Emperor Julian. Vol. III. / Transl. W.C. Wright. L., Heinemann, 1923.
2. *Pliny the Elder. The Natural History* / Eds. John Bostock, Н.Т. Riley. L., 1855–1857.
3. *Василий Великий, свт.* Беседа 22. К юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями // *Василий Великий, свт.* Творения. М., 1993. Репринт.
4. *Гай Светоний Транквилл.* Божественный Юлий // *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993.
5. *Гиппократ.* Клятва. Закон о враче. Наставления / Пер. с древнегреч. В.И. Руднева. 1998.
6. *Григорий Богослов, свт.* Собрание творений: В 2 тт. Минск–Москва, 2000.
7. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учении и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
8. *Евсевий Памфил.* Церковная история. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.
9. *Иустин Философ, мч.* Сочинения. М., 1892.
10. *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970.
11. *Сенека Луций Анней.* О благодеяниях (De beneficiis) // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.
12. *Тертуллиан.* Апологетик // *Тертуллиан.* Апологетик. К Скапуле. Изд-во Олега Абышко, 2005. 256 с.
13. *Цицерон Марк Тулиус.* Письма: В 3 тт. / Пер. и комм. В.О. Горенштейна. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949–1951.

⁹⁶Псевдоэпиграфы: Псевдо-Кесарий Назианзкий, византийский автор VI века. Подробнее о нем: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М., 1994.

⁹⁷*Гиппократ.* О благоприличном поведении, 5 // *Гиппократ.* Клятва. Закон о враче. Наставления.

Литература

На русском языке

1. *Аверинцев С.С.* Культура Византии. IV – первая половина VII века. М., 1984.
2. *Аверинцев С.С.* Словарь «София-Логос». Киев: Дух і літера, 2006.
3. *Аверинцев С.С.* Переводы. Евангелие. Книга Иова. Псалмы / Под ред. Н.П.Аверинцевой, К.Б.Сигова. Киев, 2004.
4. *Аверинцев С.С.* Таинство милости // *Исаак Сирин, преп.* О божественных тайнах и о духовной жизни / Пер. с сирийского митр. Илариона (Алфеева). СПб., 2002.
5. *Блаватская Т.В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.
6. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. Т. 2. СПб., 1907–1918. Репринт: М., 1994.
7. *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2005.
8. *Доддс Э.Р.* Язычник и христианин в смутное время. СПб., 2003.
9. *Постернак А.В.* История древней Греции и древнего Рима. М., 2001.
10. *Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1996.
11. *Иларион (Алфеев), митр.* Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., 2001.
12. История древнего мира. Упадок древних обществ / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Наука, 1989. Кн. 3.
13. *Ковнер С.Г.* Очерки истории медицины. Т. IV. Киев, 1882.
14. *Ковнер С.Г.* История медицины: Медицина Востока, медицина в древней Греции. Киев, 1878.
15. Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. / Под ред. З.В. Удальцовой, Г.Г. Литаврина. М., 1989.
16. Культура древнего Рима: В 2 тт. / Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1985.
17. *Лосев А.Ф.* Эллинистически-римская эстетика. М., 2002.
18. *Мейендорф И., протопресв.* Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс–Москва, 1992.
19. *Мейендорф И., протопресв.* Единство империи и разделение христиан // История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: Институт ДИ-ДИК, ПСТБИ, 2003.

20. Мельникова А.С. Магия в «Апологии» Апулея и «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Сайт Центра антиковедения СПбГУ. URL: <http://centant.pu.ru/sno/publ/Meln> (дата обращения: 30.12.2010).
21. Поснов М.Э. История христианской церкви. М.: Высшая школа., 2005.
22. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Кн. 1. Античность. СПб., 1994.
23. Трохачев С.Ю. Потомок Асклепия // *Гиппократ*. Этика и общая медицина / Пер. с древнегреч. В.И. Руднева; под ред. С.Ю. Трохачева. СПб.: Азбука, 2001.
24. Сорокина Т.С. История медицины: Учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2004.
25. Струкова А.С. Образ божественного мужа в позднеантичной литературе и языческий взгляд на христианство // Сайт Центра антиковедения СПбГУ. URL: <http://centant.pu.ru/centrum/publik/confplat/2001/strukova> (дата обращения: 30.12.2010).
26. Татаркевич В. Античная эстетика М., 1977.
27. Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. СПб., 2000.
28. Флоровский Г., прот. Восточные Отцы IV века. М., 1992 (репринт).
29. Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. М., 2001.
30. Элиаде М. История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2008.

На иностранных языках

1. Ackerknecht E.H. A Short History of Medicine. JHU Press, 1982.
2. Avalos H. Health Care and the Rise of Christianity. Hendrickson Publishers, 1999.
3. Brown R.E. An Introduction to the New Testament. N.-Y.: Doubleday, 1997.
4. Carrick P. Medical Ethics in Antiquity: Philosophical Perspectives on Abortion and Euthanasia. D. Reidel, 1985.
5. Dargie R. Ancient Greece Health and Disease. Compass Point Books, 2007.
6. Dunglison R. History of Medicine from the Earliest Ages to the Commencement of the Nineteenth Century. BiblioBazaar, LLC, 2009.
7. Edelstein L. Ancient Medicine. Baltimore, 1967.
8. Elliott J.S. Outlines of Greek and Roman Medicine. BiblioBazaar, LLC, 2008.
9. Fagan G.G. Bathing in Public in the Roman World. University of Michigan Press, 2002.

10. *Fergusson E.* Backgrounds of Early Christianity. Michigan: Grand Rapids, 1990.
11. *Fitzmyer J.A.* Luke the Theologian. N.-Y.: Paulists, 1989.
12. *Frend W.H.C.* The Early Church. L., 1965.
13. *Garrison F.H.* An Introduction to the History of Medicine: with Medical Chronology, Suggestions for Study and Bibliographic Data. W.B. Saunders company, 1913.
14. *Greene R.* History of Medicine. Routledge, 1988.
15. *Hard R.* The Routledge Handbook of Greek Mythology. L.–N.-Y., 2004.
16. *Jackoby F.* Die Fragmente der Griechischen Historiker. Berlin, 1929.
17. *Jackson R.* Doctors and Diseases in the Roman Empire. Oklahoma, 1988.
18. *Leven K.-H.* Antike Medizin: ein Lexikon. C.H. Beck, 2005.
19. *Leven K.-H.* Geschichte der Medizin: Von der Antike bis zur Gegenwart. C.H. Beck, 2008.
20. *Nutton V.* Ancient Medicine. L.–N.-Y., 2004.
21. *O'Dowd M.J.* The history of Medications for Women: Materia Medica Woman. Parthenon Pub. Group, 2001.
22. *Prioreschi P.* A History of Medicine. Vol. II. Greek Medicine. Omaha, 1996.
23. *Prioreschi P.* A History of Medicine. Vol. III. Roman Medicine. Omaha, 1996.
24. *Rawson E.* Roman Culture and Society: Collected Papers. Clarendon Press, 1991.
25. *Scarborough J.* Roman Medicine. N.-Y., 1976.
26. *Schaff Ph.* History of the Christian Church. Vol. II. Ante-Nicene Christianity. A.D. 100–325. 1889.
27. *Sebastian A.* A Dictionary of the History of Medicine. The Parthenon Publicity Group. N.-Y.–L., 1999.
28. *Sigerist H.E.* A History of Medicine. Vol. 2. Oxford University Press, 1961.
29. *Singer Ch.* A short History of Medicine. Oxford, 1962.
30. *Temporini H., Haase W.* Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (ANRW). Geschichte and Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung de Gruyter. Berlin–N.-Y., 1994. Vol. 37.
31. *Vallance J.T.* The lost theory of Asclepiades of Bithynia. Oxford: Clarendon Press, 1990.
32. *Vogt J.* Wege zur Menschlichkeit in der antiken Sklaverei // Slavery in Classical Antiquity. Ed. M.I. Finley. Cambridge, 1964.

33. *Watson J.* The Medical Profession in Ancient Times. Printed for the Academy by Baker & Godwin, 1856.
34. *Wear A.* Medicine in Society: Historical Essays. Cambridge University Press, 1992.
35. *Withington E.T.* Medical History from the Earliest Times. Scientific Press Ltd., 189.
36. *Woods M., Woods M.B.* Ancient Medicine: from Sorcery to Surgery. Twenty-First Century Books, 2000.